

Н.Н. Лысенко «Аланы против великих империй»

Северные арийцы в системе геополитического противостояния

Парфия – Рим. – СПб.: Фонд Азии и Кавказа «Ариана», 2009. 416 с.: ил.

Пожалуй, самое трудное при рецензировании этой книги – дать ее жанровое определение. Книга анонсирована как «научное издание». Но к какой отрасли знания можно ее отнести? Вроде бы ответ на поверхности: к истории. Только это не та история, которой занимаются практикующие историки, и которая, по общепринятому мнению, является дисциплиной, исследующей события и процессы прошлого по следам-источникам. Александр Каменский в недавнем интервью (14.06.2012) о ремесле историка напомнил: «При оценке научной продукции действует один и тот же критерий – как историк работает с источниками. В сущности, это единственный и основной критерий оценки научной продукции историка. Это то, что, собственно, делает историческую науку наукой, поскольку важнейшим отличием научного знания от ненаучного является его верифицируемость» (<http://gifter.ru/archive/4958>). Вот этого-то, главного в работе историков, и нет у Н.Н. Лысенко. Нет работы с источниками, нет научной истории. Придется подыскивать для его книги другое определение – я вернусь к этому в конце рецензии.

Манера письма автора соответствует стилистике литературно-публицистического эссе. Н.Н. Лысенко не анализирует первоисточники (синхронные – греческие и латинские, более поздние – закавказские), не решает вопрос их достоверности, не проверяет свои выводы на пробном камне сомнения. Он вещает, рассказывает, пророчествует, не особенно утруждая себя доказательствами. Иногда приходится пролистывать до десятка страниц, чтобы найти хоть одну ссылку – будь то на источник, или на специальную литературу. Делается множество весьма ответственных заявлений и утверждений, например, про «органическое единство славянских (точнее – древнерусских) и аланских культурологических основ», об «общих арийских представлениях о добре и зле» (с. 17), о том, что «невозможно представить, что подобная культура (позднесарматская археологическая. – С.П.) могла возникнуть на основе взаимовлияния

гетерогенных этносов. Только предположение о наличии тесных и все более укрепляющихся социально-политических связей между различными субэтносами единого аланского социума позволяет понять природу возникновения позднесарматского феномена» (с. 143), но все это – на

уровне рассуждений, предположений и выборочной полемики с отдельными, далеко не самыми influential, концепциями.

Зато всю используют приемы, известные из беллетристики: тенденциозный отбор лишь тех данных, которые укладываются в общую концепцию автора, тяга к сенсационности, стремление ниспровергнуть твердо установленные в науке факты, претензии на решение глобальных задач мирового значения, «разоблачение» ангажированных историков. Особенно достается от Н.Н. Лысенко «официальным» историкам «предельно германизированной и в значительной мере антинациональной» династии Романовых (среди которых,

замечу, были такие великаны, как В.В. Латышев и М.И. Ростовцев), которым противопоставляются носители русской национальной идеи: М.В. Ломоносов с его «роксоланитской» теорией происхождения русских, Д.И. Иловайский и другие. В ход идут заимствованные из исторической романистики способы привлечения внимания читателя: броские, душещипательные, более присущие детективному жанру, заголовки «Предательское убийство Сурена» (кстати, сурена – это не имя, а титул: Tac. Ann. 6.42.; Amm. Marc. 24.6.12), «Парфянская одиссея Марка Антония», «Парфянская замятня (sic!)», «Преступный план грузинского царя Фарасмана», «Грузинский детоубийца Радамист», «Позорное ярмо Рандеи», «Геополитический гений великого кифареда». Глава V сразу вводит читателя in medias res (в существо дела) приемом: «Луцию Нерону шел семнадцатый год, когда умер усыновивший его император Клавдий» (с. 233). О.А. Добиаш-Рождественская иронически замечала по аналогичным поводам: «Такой прием на неопытно-

го и наивно впечатлительного читателя производит неодолимое действие. Но опытный коварно улыбнется» (О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М., 1987, с. 238). Претензии к стилю в научном издании – не мелочь, и не дело вкуса. Блеск элоквенции не должен затмевать ясность и строгость научного изложения.

Концепция книги состоит в постулировании существования, наряду с двумя другими великими державами древности – Римом и Парфией, третьего «центра силы» – «северной арийской империи», воссозданной аланами после схода с исторической арены скифов. Этот «новый мировой центр силы» оказался способен «одинаково эффективно сдерживать военно-политическую экспансию сильнейших империй Запада и Юга» (с. 16), в течение двух первых веков н. э. Сила аланов, согласно автору, заключалась в том, что они были «вполне спаяны в единое национально-религиозное целое. Представляется, что столь же цельной была и генетическая основа аланского социума» (с. 16). Автор распространяет значение обнаруженной им аланской геополитической миссии далеко за пределы древней истории, вплоть до формирующегося нынешнего мирового порядка, и поиска места в нем русской цивилизации. «Национальной судьбой аланов стало исполнение исторической миссии возрождения северной арийской империи на просторах евразийского континента с последующей передачей арийской стратегической эстафеты в руки русских» (с. 14). Аланы предстают как чудо-народ, выработавший «уникальный и нигде более в мире уже не воспроизведенный органичный сплав воинского кодекса, социальной философии и озаряющего мистицизма» (с. 12). Отталкиваясь от этой идеологии, автор ведет повествование о противоборстве аланов с Римом и Парфией на протяжении первых двух веков нашей эры (хотя начинается рассказ с возникновения Парфянской державы в III в. до н. э.).

В книге, кроме обязательных Введения и Заключения, пять глав. Глава I, по сути – вводного характера, «Империя Запада против Империи Востока» включает очерк римско-парфянских отношений до появления аланов. Глава II «Ранние аланы: образ народа, этногенез и проблема этничности» – представляет довольно умозрительные рассуждения автора о природе «сармато-аланского феномена», при этом автор не проводит различия между двумя народами, почитая их за один этнос. Высшей кастой у аланов считались профессиональные воины, презрительно относившиеся «ко всем другим видам человеческих занятий», кроме «профессии чабана-скотовода». Н.Н. Лысенко с восхищением и, похоже, всерьез, описывает их высокие нравственные качества. «Аланы [...] были естествен-

ным (и замечу – героически прекрасным!) порождением своего исторического времени – эпохи жестоких нравов, сильных людей, бесповоротных решений, ярких и однозначных чувств. В древнюю эпоху не мог бы родиться современный женподобный пацифист, скандирующий во всю глотку на площадях европейских столиц: ‘Don’t war! Make love!’» (с. 115). Этот гимн древней жестокости дает сбой, когда речь заходит о кавказской Иберии, которую Н.Н. Лысенко, не смущаясь анахронизмом, упорно именует Грузией: применительно к ней подобные вещи зачисляются в разряд «преступлений», а сама Иберия (Грузия) клеймится в следующих выражениях: «В те далекие времена начала новой эры политическая роль Грузии в Закавказье по существу сводилась все к той же неблагоприятной роли политической куртизанки, которую эта страна так ревностно исполняет и ныне» (с. 281).

Глава III «Аланы против Парфянской империи. Удар с Севера» посвящена, по сути, одному событию аланской истории: походу 35 года в Закавказье против парфян в качестве союзников иберийского царя Фарасмана I, проведенному, по мнению Н.Н. Лысенко, донскими роксоланами, хотя источники указывают на аланов (Jos. Fl. AJ 18.97). В Главе IV «Аланы против Парфянской империи. Натиск с Востока» описываются аланские походы на провинции Парфии в 72, 75, 114–115 гг. (традиция недостоверна. – *С.П.*), 132 г. (спорно) и 135 гг. – через Каспийские ворота либо Эльбурса (северный Иран), либо Кавказа (Дарьял). Повторяется тезис о «наличии весьма прочного генетического единства сармато-аланского мира» (с. 230) в пределах Волго-Донского междуречья. Глава V «Аланы против Римской империи. Рейды за Дунай» повествует о взаимоотношениях с Римской империей на Дунае от императора Клавдия до Марка Аврелия; сюда же не вполне последовательно вставлен рассказ о кавказских делах, где особое место отведено «гениальному» плану Нерона (68 г. н.э.) по организации «грандиозного» Кавказского похода против аланов, который, должен был, согласно замыслам Нерона (угаданным Н.Н. Лысенко), привести к окончательному разгрому аланов, и решительно изменить конфигурацию сил на всем Востоке (поход, как известно, не состоялся). Здесь же приводится общая, без конкретизации, характеристика арийских (т. е. сармато-алан и прото-славян) народов, позволившая им противостоять экспансии цивилизаций как Запада, так и Юга. «Арийский мир опирался на собственную иерархию духовных ценностей, располагал весьма развитыми религиозной и социально-философской системами (?), обладал уникальным психофизическим типом» (с. 317).

В Заключении автор в присущей ему манере соединяет прошлое и настоящее. «“Живи свободным и умирай духовно молодым!” – эту великую арий-

скую заповедь аланские воины последних лет исторической Алании (т. е. осетины наших дней. – **С.Л.**) исполнили столь же ответственно и честно, как их далекие предки первого века новой эры» (с. 330).

Что сказать по поводу идей автора книги? Для доказательства существования единой великой северной арийской цивилизации, равноценной античной и иранской, у историков слишком мало данных. Именно поэтому Н.Н. Лысенко идет не от источников, а от готовой (и умозрительной) концепции, под которую и подбирает материал. Но этот материал, при непредвзятом подходе, упорно сопротивляется. Согласно Н.Н. Лысенко, территория сармато-аланского мира простиралась от оз. Балхаш на востоке до среднего Дуная на западе. Однако наши источники фиксируют аланов, располагающихся не сплошной полосой, а дисперсно, в разных местах евразийского континента: в Приаралье (Алань китайских источников); на территории нынешнего Туркестана (этнографические группы олам и улан) ; в Приазовье (Jos. Fl. BJ 7.7.4); на Северном Кавказе (Jos. Fl. AJ 18.97=Tac. Ann. 6.33; Dio Cass. 69.15.1); в Крыму; на Дону (аланы-танаиты, аланы и аланоскифы Птолемея (Ptol. Geogr. 3.5.7); на Дунае. Эти разбросанные группы аланов не составляли единства, будучи разделены другими племенами и народами. Каждая управлялась местными вождями: скептухами (scertuchi) у алано-сарматов 35 г., басилеями у крымских аланов, военными предводителями у аланов в описании Аммиана Марцеллина (duces, iudices: Amm. Marc. 31.2.25); они-то и принимали решения о походах, набегах, союзах, без учета единой политической стратегии «северной арийской империи», которую изобретает Н.Н. Лысенко. Опасность, якобы угрожавшая мирам Запада и Востока со стороны аланского мира, сильно преувеличена. Если брать Рим, то на дунайской границе аланы появлялись, как правило, в составе союзов племен, где главную роль играли германцы, проходы Кавказа успешно защищались силами клиентских государств, той же Иберии, и не требовали предполагаемых Н.Н. Лысенко сверхусилий, подобных несостоявшейся экспедиции Нерона, побудительным мотивом которой явились не «гениальные» стратегические расчеты императорского штаба (таковой орган отсутствовал в древнем Риме), а личные амбиции императора, желание пойти по стопам Александра Македонского, для чего и была создана «фаланга Александра» (I Италийский легион). Вывод о том, что римская экспансия в Восточной Европе была остановлена в результате успешного сопротивления ранних аланов (с. 326), не доказан. В современной историографии окончание территориального расширения римских границ связывают с изменениями во внутренней политике Рима, с вопросом целесообразности завое-

вания новых территорий, не представляющих особой ценности с точки зрения получения дополнительных выгод, и переходом к стратегии «оборонительного империализма», начиная с Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.).

Как исторический труд книга Н.Н. Лысенко не представляет особого интереса. Если в ней и присутствует история, то в виде «политики, опрокинутой в прошлое» (по М.Н. Покровскому). Книга писалась явно с оглядкой на события настоящего времени, такие как: взаимоотношения России с ведущими государствами мира, прежде всего – с США, российско-осетино-грузинская война 2008 года, с поиском российской идентификации после краха советского проекта в 1991 году. «Грядущему политическому объединению Кавказской Алании посвящается», – такое посвящение предпослал книге историк-алановед, предсказывающий будущее и из будущего пытающийся взглянуть на прошлое – заведомо безнадежное занятие. Оценка его усилиям дана Тамерланом Торчиновым, издателем книги, который назвал Н.Н. Лысенко «русским и (бесспорно!) осетинским национальным историком» (с. 7) и одновременно одним из лучших «белых жрецов Исторического времени – Хроноса». Как национализм (да еще двойной!), так и жречество – убийственная характеристика для историка, человека науки. Поскольку сам Н.Н. Лысенко эти сомнительные комплименты никоим образом не отвергает, будем считать, что ненаучный характер рецензируемого издания подтвержден самим автором.

Так к какому жанру отнести книгу? В постперестроечный период широкий размах в России получила так называемая «фольк-история», жанр свободных от доказательств рассуждений на исторические темы, часто – демонстративно отвергающих результаты, полученные «официальной» исторической наукой. Настоящая книга (как и предыдущие) Н.Н. Лысенко – из этой же колоды. Отмечу три ее особенности: она написана не писателем-дилетантом, а остепененным историком, доктором наук; написана с националистических (русских и осетинских) позиций и с очевидным уклоном в сторону мистицизма. В совокупности это – Троянский конь дилетантизма в стане профессиональных историков.

«Пусть расцветают все цветы», – гласит китайская поговорка. Пусть остается в литературе и творчество Николая Лысенко. Но за пределами научной истории.

С.М. Перезалов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник СОИГСИ.